

*Людмила Викторовна Григорьева кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская Государственная Юридическая Академия Россия, г. Саратов*

*Фисенко Юлия Евгеньевна студент
2 курс Института прокуратуры, Саратовская Государственная
Юридическая Академия Россия, г. Саратов*

РЕАЛЬНОСТЬ И НАЛИЧНОСТЬ ОПАСНОСТИ КАК УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация: Статья посвящена проблемам правоприменения и доктринального толкования таких условий правомерности крайней необходимости, как реальность и наличность опасности. В работе рассматриваются критерии разграничения объективно существующей и мнимой угрозы, а также временные границы состояния крайней необходимости. Анализируются типичные судебные ошибки, связанные с неопределенностью оценочных признаков, и региональная вариативность решений по однотипным делам. Авторами предлагаются меры по совершенствованию разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для обеспечения единообразия судебной практики.

Ключевые слова: уголовное право, крайняя необходимость, реальность опасности, наличность опасности, судебная практика.

Annotation: The article is devoted to the problems of law enforcement and doctrinal interpretation of such conditions for the lawfulness of extreme necessity as the reality and imminence of danger. The paper examines the criteria for distinguishing between an objectively existing threat and an imaginary one, as well as the time limits of the state of extreme necessity. Typical judicial errors associated with the uncertainty of evaluative signs and regional variability of decisions in similar cases are analyzed. The authors propose measures to improve the

clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to ensure uniformity of judicial practice.

Key words: *criminal law, extreme necessity, reality of danger, imminence of danger, judicial practice.*

Одним из дискуссионных аспектов института крайней необходимости в науке уголовного права остаётся неопределённость содержания оценочных признаков, характеризующих реальность и наличности опасности, вызывающей состояние крайней необходимости. Отсутствие чётких критериев данных категорий порождает сложности при квалификации действий лица, вынужденного причинять вред для устранения угрозы, поскольку правоприменитель сталкивается с необходимостью разграничения объективно существующего и мнимого вреда, а также длящегося и уже миновавшего опасного состояния. На практике это приводит к смешению критериев правомерности крайней необходимости с основаниями других обстоятельств, исключающих преступность деяния, и к расширительному толкованию временных границ защиты.

Объективность рассматриваемых юридических признаков вступает в разногласие с коллизиями, возникающими в правоприменительной практике. Это обусловлено неоднозначностью толкования, что порождает их разнообразное применение.

Главной проблемой является несовершенство, присущее правовому регулированию и сфере правоприменения в части квалификации деяний лица, совершенных в состоянии крайней необходимости. Выражение данного несовершенства состоит в отсутствии критериев, позволяющих достоверно устанавливать такие признаки, как реальность и наличность угрозы. Сформулированная проблема имеет не исключительно доктринальный аспект, так как именно она непосредственно инициирует появление юридических аномалий.

Отсутствие в УК РФ чёткого определения «реальности» и «наличности» опасности означает, что их содержание раскрывается лишь на доктринальном

уровне и в судебной практике, что влечет за собой риск неединообразного толкования.

Данный вопрос был затронут учёными в области уголовного права. По определению В.В. Орехова, “под наличной опасностью понимается такая, которая возникла, но еще не окончена или хотя она и не начала проявляться, однако создала непосредственную угрозу причинения ущерба охраняемым законом интересам”¹.

В уголовно-правовой доктрине реальность опасности понимается как объективное существование угрозы, а не как продукт воображения лица. Как верно отмечает В.В. Шаповалов, и уголовное, и административное законодательство исходит из того, что крайняя необходимость проявляется лишь при реальной и действительной угрозе интересам, то есть опасности, непосредственно угрожающая причинением вреда правоохраняемым интересам причинителю вреда или иным лицам. Если же угроза охраняемым интересам возможна в будущем, то такие действия не образуют действий в состоянии крайней необходимости, также как и та опасность, которая существует лишь в воображении человека².

Как отмечается в разъяснениях прокуратуры, «действительность опасности означает, что она существует объективно, а не в воображении человека»³. Данное условие не допускает квалификации в качестве допустимых деяний, имевших место в обстановке «мнимой» крайней необходимости, при которой лицо заблуждалось относительно существования угрозы при ее объективном отсутствии.

Наличность опасности является временным критерием, который определяет момент, когда допустимо совершение действий, направленных на устранение

¹ Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключющие преступность деяния. - М.: Юридическая литература, 2015 - С. 8

² О крайней необходимости в уголовном праве и законодательстве.

<https://sciup.org/o-krajnej-neobhodimosti-v-ugolovnom-prave-i-zakonodatelstve-148161191>

³ Разъяснения Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам применения законодательства о крайней необходимости // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ.

угрозы: «наличность — что опасность уже возникла, но еще не миновала»⁴. Временем возникновения опасности следует считать тот момент, когда угроза причинения вреда становится неминуемой, если не последовало незамедлительных действий. Не подпадают под понятие наличной опасности те угрозы, которые возможны в отдаленной перспективе (потенциальные), либо те, которые уже состоялись (прошедшие). Момент прекращения определяется как время, когда вред уже предотвращен либо угроза исчезла вследствие иных обстоятельств.

Действия, совершаемые после устранения угрозы (например, нанесение ударов нападавшему, утратившему возможность продолжения посягательства или находящемуся в стадии бегства), не регулируются институтом крайней необходимости и влекут квалификацию как превышение ее пределов либо как отдельный состав преступления.

Несовершенство законодательной дефиниции приводит к следующим системным последствиям, негативно влияющим на единообразие судебной практики.

Одним из ключевых проявлений является смешение реальной и мнимой опасности. Суды не всегда учитывают, что добросовестное заблуждение относительно характера угрозы может исключать уголовную ответственность, если у лица были разумные основания полагать опасность реальной. Вместе с тем встречаются решения, где суд формально констатирует отсутствие реальной угрозы, игнорируя объективно-субъективный метод оценки.

Данная проблема усугубляется сложностями определения временных границ наличности. Особенно остро проявляются в ситуациях с прогнозируемыми, но ещё не наступившими техногенными авариями (например, при утечке газа, которая может привести к взрыву через неопределённое время). Возникает вопрос: с какого момента опасность считается наличной — с момента обнаружения факта утечки или с момента, когда взрыв становится неизбежен? Единообразного ответа ни закон, ни практика не дают.

⁴ Разъяснения Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам применения законодательства о крайней необходимости // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ.

Как следствие отсутствия чётких критериев реальности и наличия угрозы, возникает региональная вариативность решений. Однотипные фактические обстоятельства (например, повреждение имущества для предотвращения пожара) в разных субъектах РФ квалифицируются диаметрально противоположно — от признания крайней необходимости до осуждения за умышленное уничтожение имущества.

Более того, в скоротечных ситуациях (ДТП, внезапное нападение) объективные доказательства часто отсутствуют, что делает неопровержимое установление реальности и наличия опасности практически невозможным и порождает неустранимые сомнения в пользу обвинения.

Оценка судебной практики показывает, что основная масса отказов в признании крайней необходимости связана именно с недоказанностью реальности угрозы. Обратимся к примеру из практики: апелляционное постановление Свердловского областного суда от 14 декабря 2017 года по делу № 22-8028/2017⁵. Директор завода К. осуждён по ст. 199.2 УК РФ за сокрытие денежных средств, за счёт которых должно быть произведено взыскание налогов в крупном размере. К. направлял дебиторскую задолженность не на погашение налогов, а на выплату зарплаты, оплату электроэнергии и хозяйственные нужды завода — опасного производственного объекта. Остановка завода могла привести к: техногенной аварии (взрывам оборудования); отключению энергоресурсов; потере рабочих мест около 1 000 человек. Апелляционный суд отменил приговор и прекратил дело — действия К. признаны совершёнными в состоянии крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Дело К. — редкий пример, когда защита смогла полно и убедительно доказать реальность и наличие угрозы, а также отсутствие альтернативных способов её устранения. В большинстве случаев обвиняемые не представляют достаточных доказательств

⁵ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации.

существования непосредственной опасности — именно это становится основной причиной отказов в признании крайней необходимости.

Суды оценивают реальность опасности по объективным данным, полученным после события, а это не всегда позволяет учесть восприятие обстановки лицом в момент действия. Оценка реальности опасности должна производиться с точки зрения обстановки, которая сложилась в момент совершения действий, а не с позиции последующего анализа. Но на практике это требование применяется не всегда.

Именно поэтому для устранения описанных системных недостатков необходимо произвести определённые меры, такие как:

При оценки реальности и наличия опасности суды должны исходить из обстановки, сложившейся на момент действия, а не из последующего анализа. Это требует закрепления в постановлении Пленума Верховного суда РФ позиции о том, что недосказанность реальной угрозы по объективным данным не исключает признания крайней необходимости, если у лица имелись разумные основания полагать опасность существующей.

Также необходимо разъяснить, что при делящихся угрозах (пожар, болезнь, экологическая катастрофа) наличие сохраняется до полного устранения источника опасности, а при прогнозируемых техногенных авариях — с момента, когда специалист (исходя из объективных параметров) может с высокой степенью вероятности предсказать наступление вреда при отсутствии вмешательства.

В ситуациях, когда опасность объективно миновала, но лицо в силу экстремальности обстановки не могло этого осознать, следует применять правила о фактической ошибке, что сближает практику с институтом крайней необходимости, а не самоуправством.

Обратимся к положительным примерам из судебной практики признания реальности и наличия опасности обстоятельства. Так, В ноябре 2014 года в жилом доме ФИО4 произошёл пожар. При тушении сотрудники пожарной части разбили одно окно, чтобы попасть внутрь дома, и использовали

трёхколенную лестницу. ФИО4 подала иск к Министерству РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации стихийных бедствий, требуя возмещения ущерба. Однако суд установил, что сотрудники пожарного подразделения действовали в ситуации крайней необходимости в интересах третьего лица (для ликвидации пожара).

В решении Кировского городского суда Ленинградской области по делу о пожаре суд признал, что действия пожарных при тушении дома истицы были совершены в условиях крайней необходимости⁶. Это стало основанием для освобождения сотрудников пожарной охраны от ответственности за причинённый ущерб.

Суд установил, что сотрудники пожарного подразделения действовали в ситуации крайней необходимости в интересах третьего лица — для ликвидации пожара. Они прибыли на место своевременно, были оснащены необходимой техникой и совершили требуемые при данных обстоятельствах действия, направленные на тушение пожара и его последующую ликвидацию.

Необходимость проверки как реальности, так и наличия опасности обусловлена тем, что только их сочетание формирует единый критерий правомерности экстренных действий. Исключение из оценки признака реальности (мнимость угрозы) свидетельствует об отсутствии объекта, подлежащего защите, что превращает причинение вреда в акт произвола. Исключение признака наличия (миновавшая или гипотетическая угроза) лишает ситуацию свойства экстренности, поскольку у лица сохраняется альтернатива в виде обращения к правоохранительным органам или совершения действий в отсутствие состояния неизбежности. Таким образом, именно единство реальности и наличия выступает разграничительным критерием, отделяющим правомерное причинение вреда от самоуправства (ст. 330 УК РФ) и умышленных преступлений.

На основании всего изложенного, можно сделать вывод о том, что критерий реальности опасности означает, что угроза причинения вреда охраняемым

⁶ Судебные и нормативные акты РФ. Суды общей юрисдикции. <https://sudact.ru/regular/doc/MYyDnQ1vWNWj/>

уголовным законом интересам должна подтверждаться не предположениями лица, а объективной основой. Важно отметить, что реальность не равна неизбежности. Опасность может быть реальной, даже если вред в конечном счёте не наступил, но в любом случае она должна существовать как данность, а не как результат воображения или оценки ситуации.

Понятие наличности опасности подразумевает под собой строгий временной интервал, в пределах которого возможна защита в порядке крайней необходимости. Наличная опасность — это угроза, которая существует «здесь и сейчас», в момент совершения действий по её устранению. Что говорит о том, что временной разрыв между возникновением угрозы и началом защитных мер должен быть минимальным.

В юридической литературе иногда высказывается мнение, что любые признаки, не имеющие чётких дефиниций, становятся оценочными. Однако это неверное умозаключение, так как оценочная категория предполагает свободу правоприменителя в рамках определённого усмотрения. В отличие от них, реальность и наличность устанавливаются на основе конкретных фактов, а не представлений о типичности.

Если бы эти понятия носили оценочный характер, это привело бы к определённым негативным последствиям:

во-первых, возник бы риск произвольного признания или непризнания крайней необходимости в схожих фактических ситуациях, что нарушает принцип равенства перед законом;

во-вторых, размылись бы границы между правомерным причинением вреда и превышением пределов крайней необходимости, а также между крайней необходимостью и смежными институтами (например, необходимой обороной);

в-третьих, суды были бы вынуждены каждый раз заново интерпретировать эти признаки, что ведёт к нестабильности практики и снижению её предсказуемости.

Конкретные примеры из практики подтверждают наличие этих проблем. В одном из дел суд не признал крайней необходимостью действия лица, сломавшего

замок на двери соседского гаража, чтобы достать огнетушитель для тушения пожара в собственном автомобиле, указав, что угроза возгорания была «потенциальной» (не перешла в стадию открытого горения). Между тем, с точки зрения объективного критерия, наличие дыма и запаха гари свидетельствовало о реальной опасности, а временной фактор исключал возможность обращения в пожарную службу.

В другом деле, напротив, суд правильно оценил наличие опасности: действия лица, причинившего вред здоровью нападавшего, были признаны превышением пределов крайней необходимости, поскольку угроза нападения уже миновала (нападавший убегал, а лицо догоняло его с причинением ударов). Здесь временной критерий был применён верно, что позволило отграничить крайнюю необходимость от самоуправства.

Таким образом, «реальность» и «наличность» опасности следует рассматривать как объективные (фактические) признаки состава обстоятельства, исключающего преступность деяния, а не как оценочные категории в узком смысле слова. Их юридическое содержание раскрывается через установление факта наличия угрозы и её временной определённости, что подлежит доказыванию.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Разъяснения Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам применения законодательства о крайней необходимости // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ.
3. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.05.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_56/activity/legal-education/explain/e550689/ (дата обращения: 2026 г.).

4. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. - М.: Юридическая литература, 2015 - С. 8

5. Судебные и нормативные акты РФ. Суды общей юрисдикции. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MYyDnQ1vWNWj/> (дата обращения: 2026 г.).

6. О крайней необходимости в уголовном праве и законодательстве. [Электронный ресурс]. URL: <https://sciup.org/o-krajnej-neobhodimosti-v-ugolovnom-prave-i-zakonodatelstve-148161191> (дата обращения: 2026 г.).

7. Нагорный А. П. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. [Электронный ресурс]. URL: https://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2024/03/47_nagornyj-a.p.pdf (дата обращения: 2026 г.).